

Журнал "Вокруг света"

№ 02, 1967

УДК 91
ББК 26.8
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг света": № 02, 1967 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 84 с.

ISBN 978-5-458-58072-4

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В.Ерофеев, А.Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года).

ISBN 978-5-458-58072-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Шесть колхозов входило тогда в Пролысьвенский сельсовет в лесах Брянщины, а его председателем был вот он, Гаридов Павел Григорьевич.

— Как же так?

— Да уж получилось... Фашисты вначале у нас, правда, денька с четыре пробыли. А потом крушанули мы их — и ушли восвояси до осени сорок второго. Ну, и жили мы по советским законам,

нет. По лесам, по топам, по открытым лугам пробирались три дня, бережно прижимая к телу не мины даже — простые артиллерийские снаряды. Наконец мост... Как томительно ожидание! С рассветом фашисты оставляли на мосту одного часового, остальные уходили отсыпаться, чтобы ночью быть начеку. Не дождались они следующей ночи! Часового партизаны сняли из «бесшумки», а фа-

Святое, теперь Партизанское, тоже было сожжено.

Хлеб успели собрать, переправили партизанам. Да и сам, наконец, к ним...

Командир партизанской роты. Проводник, минер. При его участии взлетели в воздух два вражеских эшелона с «тиграми», рвались мосты.

А на последнюю операцию понесли его на носилках: ранен был в ногу, а другого проводника

шистский блиндаж забросали гранатами. Видел с берега Павел Григорьевич темное облако взрыва, слышал его далекое раскатистое эхо...

— Много лет уткло с тех пор, а все в памяти как живое. Да, как живое. Как все это забыть, хоть и за восьмой десяток перевалило? И рассказывать много приходится. Молодежи. Много ее

Данный номер журнала предназначен ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО для НЕкоммерческого (БЕСПЛАТНОГО) использования.
Отсканирован с оригинала лично мною (malshin) для ресурса rutracker.org (бывший torrents.ru)
Оригинал скана расположен на ресурсе по адресу <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2319163>
Если он скачан из другого интернет-источника - это чистый плагиат.

приезжает сюда... И вот расскажи да расскажи... как воевали, как что. Рассказываю, вспоминаю — и, кажется, годы снимает. Ну, а когда спрашивают: «Как здоровье, как жизнь?» — отвечаю: «Ничего, мол, спасибо, хорошо!..»

Брянские села... Вытянувшиеся на старый русский манер вдоль пыльных трактов, они медленно и неохотно выступают серебристо-серыми некрашеными бревнами стен из седого утреннего тумана. Лик крестьянских жилищ строг и прост.

Молчаливая угроза смотрела на врага темными окнами изб. И враг становился еще более оголтелым и преступным от страха и от предчувствия неминуемого возмездия. Он убивал, насиловал, уничтожал. И это село — Святое — сжег дотла.

Сожженные села давно восстановлены. И Святое тоже. Только теперь оно носит другое название — Партизанское.

Время рушит, сравнивает с землей истлевшие лесные землянки — обиталище партизан, приют жителей сожженных сел. Мало где уцелели партизанские наблюдательные пункты — обветшалые лестницы из поперечных планок, набитых на стволы самых высоких сосен.

Но время бессильно перед памятью и благодарностью людской. Вновь протаптываются заросшие партизанские тропы, восстанавливаются партизанские землянки. В них все как когда-то: железная печурка, у которой лишь и было тепло, столик

с медной гильзой и фитилем в ней, нары, устланные еловыми ветками; только пахнет нежилым — землей, сыростью.

А ведь здесь жили, ждали ушедших на бой отцов, мужей и сыновей. Здесь рождались новые граждане советской земли — дети непокоренных.

Теперь это своеобразный музей — память о тех, кто не дожил, но за кого отомстили. И о тех, кто выстоял и узнал счастье победы. Сюда приезжают каждый год ветераны, прошедшие сквозь огонь, вынесшие все муки и дождавшиеся светлых дней, о которых мечтали в этих землянках...

Иду по лесу с Александром Николаевичем Барановым. Молод — на вид не дать тридцати, но уже председатель сельсовета. В войну был совсем птенцом. Но когда он ведет свой мотоцикл по глухим, заросшим высокой травой партизанским тропинкам, когда просто стоишь с ним у старой бронзовеющей сосны, думаешь, что и он воевал в этих местах.

Тихо говорит:

— А вот здесь была переправа, тут — землянки, где-то вон у тех деревьев столкнулись с вражеской засадой, лоб в лоб, жестокий бой был... Братская могила — тоже бой...

А потом о другом:

— Бобры дерево спилили... А то кричит желна, большой такой дятел, — и вслушивается в пронзительный резкий голос.

И снова о землянках, заставах, боях. Далекое,

близкое, нетленное... Все знакомо, любимо до кустика.

Жизнь — и память... Один неразрывный узел. То высокое, светлое, гордое, что передается от отца к сыну, из одних чистых рук в другие, как священный огонь.

Священный огонь. Я вижу, как пламенеет он на одной из лучших площадей Брянска у памятника воинам. Стоят около него и убеленные сединой и совсем юные — те, кто идет маршрутами Всесоюз-

ного молодежного похода по местам славы отцов. И говорят так же тихо, и так же подолгу молчат, как под сенью Брянского леса, на боевых тропах партизан.

А у меня в памяти прекрасные леоновские слова: «Когда стихнет военная непогода, и громадная победа озарит дымные развалины мира, и восстановится биение жизни в его перебитых артериях — лучшие площади наших городов будут украшены памятниками бессмертным»

ЛЕТАЮЩАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ поднялась в ленинградское небо. Огромный аэростат увлек на 20-километровую высоту почти восемь тонн аппаратуры: мощный телескоп, спектрограф, приборы для фотографирования Солнца. Стратосферная станция дала астрошколам Пулковы уникальный научный материал.

АЛМАЗ «МАРИЯ» найден недавно в якутском поселке Мирный: это самый большой кристалл, когда-либо добытый в нашей стране. Его вес — 106 каратов. Алмаз назван по имени нашей сестры его работницы обогатительного комбината Марии Коженкиной.

УДАРНАЯ КОМСОМольСКАЯ СТРОЙКА кипит за Полярным кругом, в далекой Чукотской тундре. На самом краю со-

ветской земли скоро вырастут корпуса Билибинской атомной электростанции. Современный город встает в краю вечной мерзлоты. Мощность четырех блоков Билибинской АЭС составит несколько десятков тысяч киловатт.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ МОСТ Урал — Тюмень — Сургут уже в этой кампании подведет и газопроводом доставит нефть и газ — энергию уральских электростанций. Высоковольтная линия напряжением 220 тысяч вольт будет закончена в 1969 году.

НА БЕРЕГАХ КУЙБИШЕВСКОГО МОРЯ начато строительство крупнейшего в стране Волжского автомобильного завода. Автозавод сооружается прославленным коллективом Куйбышев-гидростроя. Проектная мощность

гиганта — 600 тысяч легковых автомобилей в год.

ВЫСОКОГОРНЫЙ ГАЗОПРОВОД Орджоникидзе — Тбилиси сдан в эксплуатацию. Газопровод пересек Главный Кавказский хребет на высоте двух с половиной тысяч метров. Строительство шло на трассе знаменитой Военно-Грузинской дороги. Стальная нить газопровода пролегла над «висячей Дарьяла», прошла через Крестовый перевал, пересекла сотни рек, «спрыгнула» два километра скального монолита. В честь этого подвига строителей на Крестовом перевале будет воздвигнут монумент.

НА МЕРИДИАНАХ РОДИНЫ

ких же серых американских подводных лодок. Они тесно стояли у каменной стенки в Неаполитанском порту.

После этого наш маленький белый пароход — «алискаф» (так здесь зовут пароходы на подводных крыльях) — начал осторожно выбираться из порта.

Налево чернел замок Каstell-Нуово, за ним — остров Искья — родина красивых открыточных рыбацек, а впереди начали подыматься берега Капри.

Этот остров, сложенный из сиреневого гранита, нехотя выплзал из воды, пока не стали обозначаться на его береговых скалах обсохшие водопады, или, вернее, «цветопады», желтой бугенвиллеи.

Этот удивительный цветок привез в Европу с островов Тихого океана французский капитан Бугенвиль.

Следует с уважением относиться к памяти Бугенвиля. То был бескорыстный колониальный моряк. Он возил не золото, не жемчуг, не рабов, а нежные цветы, особенно не надеясь нажать себе на этих цветах состояние.

У меня давнишнее пристрастие к картографическому описанию разных мест земли. И в этом рассказе я тоже не могу уйти от картографии, в частности от разговора о географических названиях.

Иные названия пленают своей красотой, иные вызывают отвращение — главным образом те, что были рождены человеческой глупостью, тщеславием или сентиментальностью.

КОНСТАНТИН
ПАУСТОВСКИЙ

ДОРОГА ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

Мусорная вода около нашего парохода зашевелилась, будто кто-то сильно подул на мусор, и из-под него вылезла стальная серая черепаха — американская подводная лодка.

Лодка двинулась малым ходом к причалу. Она шла неуверенно, как слепая. Она слишком близко прошла около нашего парохода.

Пассажиры в испуге сбились к одному борту.

Тогда лодка вдруг взвыла и завизжала так зло и пронзительно, будто ей начисто отдавили хвост. Старый рыбак, ехавший с нами на остров Капри, плюнул в сторону лодки и сказал:

— Бешеная дура!

Лодка забурлила винтами и медленно втиснулась в строй та-

Вы, возможно, встречались в своей многострадальной жизни с такими пошлыми названиями, как «долина грез», «храм воздуха» или «дворец бракосочетаний». Пошлость обладает могучим свойством проникать под самые крепкие черепные коробки и разрастаться в ядовитые лишай. Чем дальше, тем больше пошлость затопляет землю мутными волнами.

Пошлость — удел недалеких и самодовольных людей.

На Капри я встретился с явлением, которое было не только пошлостью, но и оскорблением всему растлавленному вокруг прекраснейшему миру. Дело тоже было в названии. Но в каком! Для этого нужно кое-что разъяснить.

Остров пересекала с востока на запад — от гавани Марина-Гранде до гавани Марина-Пиккола — выбитая в скалах дорога.

У этой дороги, кроме ее разнообразной красоты, были свойства самого приятного в мире заповедника. Заповедника не растений и редких минералов, а заповедника запахов — то густых, то свежих, как только что выпавший легкий весенний снег.

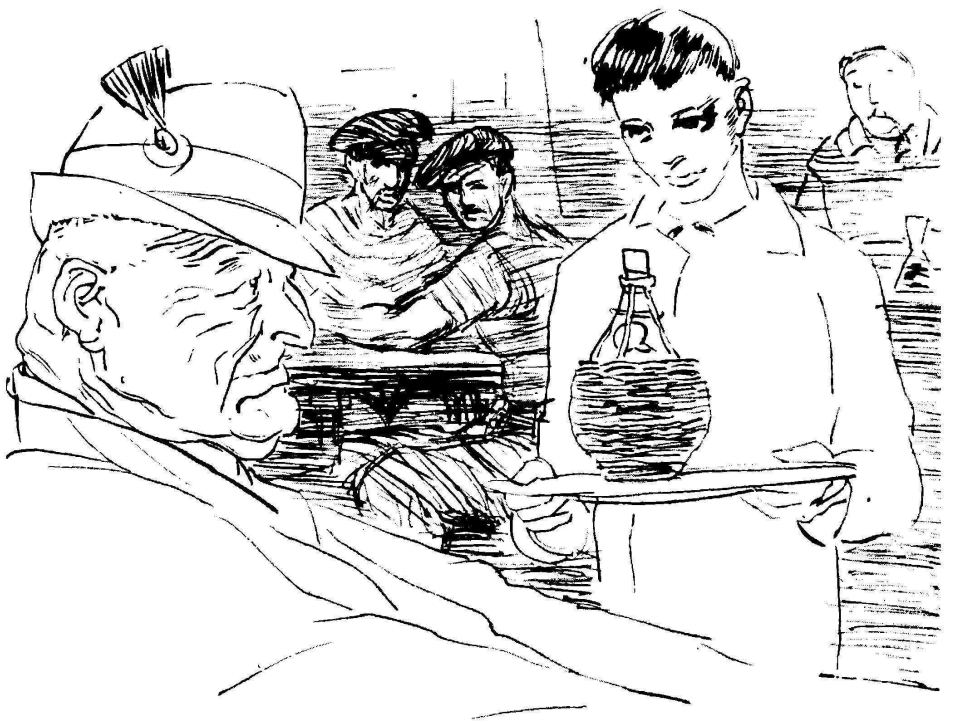
Эти запахи побеждали своей смолистой целебной силой все, что до тех пор встречалось на земле, побеждали, должно быть, даже мифические запахи рая. Если бы нам было дано хоть раз надыхаться райским воздухом, то мы надолго унесли бы на своих губах радостную и жадную улыбку.

Только великий поэт, такой, как Гёте, мог описать этот воздух. Гёте сумел рассказать о том времени суток, когда «не пылит дорога, не дрожат листья», — иными словами, рассказать о всемирном молчании вечера, созданном для успокоения измученного человеческого сердца.

На этой дороге вы могли почувствовать себя Икаром. Вы могли мысленно пронестись в струях воздуха над блаженной страной. Вы могли остановиться на мгновение, чтобы дотронуться до слабо пахнущих листьев лимона, но тут же увидеть на обочине дороги отвратительную табличку — указатель с черной надписью колючими готическими буквами: «Дорога имени Круппа».

Дорога имени Круппа! Тогда гасло небо. Сжималось в комок беспомощное сердце.

Дорога имени Круппа! Одного из величайших убийц, фабриканта «стальной смерти», сносившей тысячи голов простым щелчком осколка. Крупп построил эту волшебную дорогу для своих прогулок — немецких филистерских «шпациров». Построил на свои нечистые деньги и в свою честь. Это было невыносимо, невозможно, цинично. Европа вся еще была в крови и гари после недавней войны. Бесноватый и звонивший голос Гитлера как бы звучал еще на каждом повороте этой дороги.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

И мне вдруг вспомнился встреченный на днях в ресторане на Марина-Пиккола грузный человек. Ему прислуживал веселый темноглазый мальчик Паскуале.

В глазах Паскуале я заметил в тот день страх и почтительную злобу. За столиком сидел, положив на скатерть сжатые жилистые кулаки, рыжий старик с лицом завоевателя.

Пальцы его были покрыты твердыми рыжими волосами. Фазанье перо, заткнутое за ленту его шляпы, дрожало от ветра. Старик все время сжимал и разжимал кулаки. Он, очевидно, сердился.

Внезапно он вырвал фазанье перо и выбросил его за окно.

Спутница старика — молоденькая женщина-итальянка, почти девочка, в коротких и сильно измятых лиловых шортах — вздрогнула и опустила глаза.

Ложечка с мороженым задрожала и забилась в ее руке. Старик сжал ее кисть своими косматыми пальцами и грубо осмотрелся вокруг, как единственный владетель этого синего мира и этой девочки.

За дальним столиком засмеялся длинный негр, а я усмехнулся. Тогда старик ударил с размаху кулаком по столику, что-то про-

бормотал по-немецки, встал и, не дожидаясь своей спутницы и не оборачиваясь на нее, промаршировал военным шагом к выходу. Он был, видимо, взбешен.

Молодая женщина испуганно опустила голову. Она испугалась не только ярости старика, но и хохота молодых загорелых рыбаков. Они удрили со скал около ресторана маленьких беспомощных осьминогов.

Когда старик проходил мимо рыбаков, они начали подсвистывать ему вслед, как возницы подсвистывают лошадям, чтобы заставить их скорее помочиться. Глаза рыбаков были черными от злобы.

Ко мне подошел хозяин ресторана — маленький сутулый итальянец, гордившийся передо мной своим знакомством с Максимом Горьким, и сказал вполголоса, показав глазами на старика:

— Говорят, что это один из сотрудников Круппа. Опасный человек.

Я хотел ответить ему, что мне наплевать на всех сотрудников Круппа, и поодиночке и вместе взятых, но у меня, к сожалению, не хватило итальянских слов, чтобы выразить эту мысль. Но хозяин, очевидно, понял и, пятясь, поспешно закивал головой.

Девушка в лиловых шортах пересела за дальний столик, закрыла глаза рукой и заплакала. И мне вдруг стало жаль эту беспомощную и, очевидно, неопытную наложницу. Она недавно еще радовалась, что устроилась при

этом старике на фешенебельном Капри хоть на несколько дней. Ей было жаль до слез тех тысяч рваных, разбухших лир, которые давал ей рыжий старик, — они даже не помещались в ее сумочке. Ей было жаль ежедневных катаний в Анакапри или на

Виллу Тиберия, жаль ужинов на Монте Соляре или в самом дорогом ресторане «Квисисана», жаль роскошных купальных халатов с рисунками художника Дали.

Тогда бывшая с нами русская спутница — мы звали ее «русской иностранкой», — изъездившая весь мир, сказала:

— Какая гадость эта дорога Круппа! Надо переназначить ее.

— Переименовать?

— Ну да! — согласилась она и покраснела. Она сердилась на себя за то, что начала забывать русский язык. И тут же спросила, как будто все уже было решено: — Как мы ее назовем? Дорогой Гёте?

Я не согласился. По-моему, гораздо лучше было назвать эту горную дорогу именем Генриха Гейне. Гёте был слишком величав. Недаром Гейне, обращаясь к Гёте, называл его «ваше высокопревосходительство».

Дорога эта, хотя и кремнистая, была весела и лирична. Казалось, что по ней непременно проходила некая порывистая красавица в зеленой шляпе и обронила здесь свою узкую перчатку, пахнущую жасмином. Та женщина, с которой так смущенно познакомил нас Гейне. Где? Когда? Давным-давно в старой гостинице на водах, в городе Лукке.

Глаза ее от цвета шляпы приобрели легкий зеленоватый перелив. Никто не мог сказать, как называется цвет ее глаз, кроме старого суфлера из Луккского театра. Он утверждал, что это цвет хризопраза — драгоценного камня, приносящего счастье только одним актрисам.

Мы решили назвать дорогу именем Гейне за удивительные стихи, похожие на его искрящийся взгляд, за смертельный яд его

слов, за их беспредельную нежность, за убийственный смех над глупцами всего мира, за его беспокойное сердце.

И мы тотчас принялись разрабатывать фантастический план действий. Прежде всего надо было выбрать на скалах вблизи дороги гладкие места, небольшие плоскости, на которые можно было бы нанести масляной краской новое имя дороги. Таких плоскостей мы нашли много.

Было решено, что Паскуале прочистит эти гладкие места шкуркой, а «русская иностранка» напишет на них новое название дороги: «ВИА ГЕНРИХ ГЕЙНЕ». Старые дощечки надо было убрать в течение одной ночи.

Затем события начали бы развиваться очень быстро. Через день ранним утром у нового названия дороги уже толпились бы в недоумении первые прохожие.

Потом по дороге промчались бы на мотороллерах чины городской полиции.

У каждого столба, где уже не было табличек, а только зияли дыры от гвоздей, они останавливались бы, качали головами, потом долго искали бы в кустах старые таблички, но ни одной бы не нашли. Все таблички мальчишки побросали в море.

Полицейские прокричали бы мальчишкам несколько угроз и уехали, а мальчишки свистели бы им вслед.

А через несколько дней приехал бы из Рима известный итальянский писатель, он подсел бы к нам в ресторане на Марина-Пиккола, и глаза его смеялись бы. Он бы обнял Паскуале: «Ты настоящий итальянец. Даже старый Гарриальди угостил бы тебя за это мороженым».

И он заказал бы для Паскуале три порции мороженого — фисташкового, ананасного и миндального.

И мы, взрослые, позавидовали бы Паскуале.

Вскоре я уехал. Вблизи дороги я увидел совершенно неожиданный в этой сухой земле голубой цикорий. У нас в России он цветет целыми полями. Но здесь я обрадовался этому невзрачному цветку.

Подчиняясь какому-то неясному чувству родственности, я сорвал несколько стеблей и засунул их между страницами книги, как напоминание о Капри, печальном Генрихе Гейне и лазурной жаре Средиземного моря.

Ялта, декабрь 1966

МИШЕЛЬ ПЕССЕЛЬ

МУСТАНГ

ЛЕЖИТ В ГИМАЛАЯХ

Французский путешественник М. Пессель побывал в 1964 году в одном из отдаленнейших и малоизвестных уголков Гималаев — в непальской провинции Мустанг. Автор называет Мустанг княжеством; в действительности же в 1961 году статус князей ликвидирован, и Мустанг является одним из 75 административных округов Непала. Лишь в силу традиции «князь», или раджа, сохранил почетную приставку к имени. Целью прогрессивного закона 1961 года было покончить с раздробленностью страны, оставшейся со времен господства колонизаторов и ненавистного непальскому народу феодального рода Рана. А в 1963 году непальским правительством были предприняты первые решительные шаги по ликвидации патриархального уклада этого далекого края — кастовости, полиандрии и полигамии.

ПОХВАЛА ЯКУ

Целых два года готовиться, поднять на такую высь 400 килограммов продовольствия и снаряжения, и после всего забыть о «ката»!

Таши, мой проводник, смотрел на меня с явным неодобрением. Что делать? Два пони, присланные за нами, уже ждали седоков.

К счастью, один старый монах согласился продать мне «ката», белый шелковый шарф, совершенно необходимый для аудиенции. Сунув его под халат, я взобрался на пони и вместе с Таши выехал через единственные ворота из Ло Мантанга, столицы княжества Мустанг. Миновав ряд молитвенных флагов, мы пустили наших пони в галоп по бесплодной равнине и два часа спустя прибыли в летний дворец князя. В тот день я узнал, что Ангун Тенцинг Грандул, двадцать четвертый по счету раджа Мустанга, не ведает того, что Земля круглая.

Но разве не удивительней, подумал я, что внешний мир так мало знает о существовании Мустанга? Спрятавшись за восьмидесятилетний Дхаулагери, защищенный великим горным массивом Аннапурна, лежит Мустанг — крохотное княжество площадью в 2 тысячи квадратных километров. Мустанг взгромоздился на совершенно ошеломляющую высоту: пять тысяч метров над уровнем моря. Только три горные тропы соединяют его с остальной частью Непала.

Возможно, потому, что я говорю по-тибетски, я был первым европейцем, получившим разрешение на сравнительно долгое пребывание в Мустанге.

Найти носильщиков, слуг и проводника для опасного путешествия оказалось не так-то просто: на базаре в Катманду ходили слухи, что на дороге полно разбойников. Сначала мне удалось нанять повара по имени Калай. Он сопровождал меня в экспедиции в район Джомолунгмы в 1959 году.

Чтобы подстрелить грозу Гималаев — леопарда, нужны и смелость и охотничье счастье.

Фото автора

Хотя я так и не смог заставить себя отведать его «фирменное» блюдо — шоколадный торт, начиненный чесноком, — я знал, что это исключительно честный и добросовестный человек, сохраняющий хладнокровие в минуты опасности.

Что касается моего молодого проводника Таши, то он вообще ничего не боялся. «Через 99 лет все, что сегодня живо, умрет, — заметил он бодро. — Немного раньше, немного позже — какая разница?» Лично я предпочел бы, чтобы со мной это случилось попозже.

Наша экспедиция была сформирована в Покхаре, недалеко от границы Мустанга, откуда с Калаем, Таши и десятью носильщиками я и отправился в Ло Мантанг.

Через семь дней носильщики отказались идти дальше. К счастью, я встретил четырех крестьян из Мустанга, гнавших домой маленькое стадо яков. За непомерно высокую плату они согласились погрузить на яков мое снаряжение и продовольствие и отвезти нас в столицу.

Як — «многоцелевое» животное. Из его шерсти делают одежду. Самка, которую называют «драй», дает молоко. Раз в году якам делают кровопускание, и их засохшую кровь едят. На яке можно вспахать поле, на нем можно ездить, возить вьюки. Его навоз — это топливо. За мохнатый хвост яка в Индии можно получить довольно высокую цену — там из него делают метелочки от мух. И наконец, если як

свалится с утеса в пропасть, его счастливый владелец (которому закон не разрешает убивать животное) получает не менее 350 килограммов мяса. Но у яка есть и весьма существенные недостатки: длинные рога, скверный характер и невероятная медлительность. К этому еще нужно прибавить, что пере-

возка грузов на яках в Мустаанге обходится чрезвычайно дорого. Только поистине астрономические цифры могут заставить пастуха подвергнуть себя и своих драгоценных животных риску нападения со стороны бродячих разбойников. Я подсчитал, что на последнем этапе километр пути обходился нам в два с половиной доллара.

Через 15 дней трудного и опасного путешествия по немыслимым тропам Гималаев, после встречи с двумя вооруженными бродягами, при воспоминании о которой дыбом встают волосы, мы, наконец, добрались до верхней точки горного перевала. И здесь нам открылось зрелище, которого мне еще не доводилось видеть. Среди лунного пейзажа глубоких ущелий и голых хребтов вознеслась громада города-крепости. За крепостными стенами виднелись красные здания монастырей и белый княжеский дворец. Перед нами лежал Ло Мантанг, столица таинственного Мустаанга.

На юге, за спиной, поднимались величественные белые вершины горного массива Аннапурна, часть «неаидимой» северной стороны Гималаев, которую столь редко доводится наблюдать европейцу. Я повел свой маленький караван вниз, к городу. Из монастыря раздались звуки трубы, когда мы миновали массивные ворота — единственный проход в огромной стене, окружающей Ло Мантанг. Горожане каждую ночь запирают их, чтобы в город не проникли разбойники племени кхамра, «наводящие страх на всю округу».

Четыре недели крепость будет моим домом. Затем я отправлюсь дальше, чтобы посетить все 23 деревни и два остальных города этой удивительнейшей страны.

МЕНЯ ПРИНИМАЕТ РАДЖА

Внутри городских стен мы остановились. Пока мы снимали вьюки, вокруг собралась толпа любопытных горожан. Один из лоба — так называют себя жители Мустаанга — предложил мне свободную «квартиру» на третьем этаже дома, принадлежавшего вдове князя. Дома в Мустаанге делают из земли, смешанной с глиной: ее набивают между деревянными досками, которые потом снимают.

Княжеский посыльный сообщил о моем прибытии радже, нахо-

Придет ночь, и лоба наглухо закроют городские ворота от демонов и разбойников.

